

Рахманинова Мария Дмитриевна

### **ЯЗЫК ВЛАСТИ В СОЦИАЛЬНОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ: ОСНОВНЫЕ СТРАТЕГИИ**

Статья посвящена рассмотрению роли языка в процессах функционирования механизмов системной власти в общественно-политическом пространстве. Исследовательский фокус внимания наводится на схемы запуска этих механизмов в повседневности, в условиях последовательной связи между категориями языка, системами и аппаратами, в которые они объединены, и дискурсами, включающими в себя эти системы; производится классификация условий, наиболее благоприятных для запуска механизмов системной власти, а также сценариев, позволяющих их избегать. В статье предложено обоснование конструктивности отказа от воспроизводства дискурсивных систем власти.

Адрес статьи: [www.gramota.net/materials/3/2017/11/41.html](http://www.gramota.net/materials/3/2017/11/41.html)

Источник

### **Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики**

Тамбов: Грамота, 2017. № 11(85) С. 156-158. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: [www.gramota.net/editions/3.html](http://www.gramota.net/editions/3.html)

Содержание данного номера журнала: [www.gramota.net/materials/3/2017/11/](http://www.gramota.net/materials/3/2017/11/)

### **© Издательство "Грамота"**

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: [www.gramota.net](http://www.gramota.net)  
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: [hist@gramota.net](mailto:hist@gramota.net)

УДК 17.022.2

**Философские науки**

*Статья посвящена рассмотрению роли языка в процессах функционирования механизмов системной власти в общественно-политическом пространстве. Исследовательский фокус внимания наводится на схемы запуска этих механизмов в повседневности, в условиях последовательной связи между категориями языка, системами и аппаратами, в которые они объединены, и дискурсами, включающими в себя эти системы; производится классификация условий, наиболее благоприятных для запуска механизмов системной власти, а также сценариев, позволяющих их избежать. В статье предложено обоснование конструктивности отказа от воспроизводства дискурсивных систем власти.*

*Ключевые слова и фразы:* власть; язык; дискурс; иерархия; привилегия; система.

**Рахманинова Мария Дмитриевна**, к. филос. н.

*Санкт-Петербургский горный университет*

*Nordseeinsel@yandex.ru*

### **ЯЗЫК ВЛАСТИ В СОЦИАЛЬНОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ: ОСНОВНЫЕ СТРАТЕГИИ**

С тех пор, как человек стал обитателем символического пространства культуры, организация его повседневности начала формироваться не только вокруг его объективных и простейших потребностей (в которых он совпадает с животными), но, прежде всего, вокруг его представлений о мире и своём месте в нём. Источником этих представлений служили присутствующие в окружающем его языке системы категорий и формируемый ими категориальный аппарат, сообщающий вещам и явлениям как название, так и оценку и их место в общей системе координат.

По причине доступности этих категорий для каждого за пределами его субъективных интенций в гуманитарном знании сформировался консенсус относительно объективного характера языковых систем, одновременно присутствующих в обществе. «Как знаковая система язык имеет качество объективности. Я сталкиваюсь с языком как с внешней для меня фактичностью, и он оказывает на меня принудительное влияние. Язык подчиняет меня своим структурам» [3, с. 20], – отмечают П. Бергер и Т. Лукман. «Символический язык становится существенным элементом реальности повседневной жизни и обыденного понимания этой реальности. Каждый день я живу в мире знаков и символов» [Там же, с. 21]. К таким символам относятся как непосредственно выражения языка, так и общепринятые жесты, и дорожные знаки, и все прочие присутствующие в культуре языки, обеспечивающие социальную коммуникацию. В монографии «Основы теории дискурса» М. Макаров отмечает: «Коммуникация – это конститутивный элемент культуры, деятельности и социальных отношений, а не только простой обмен информацией и репрезентативное отражение внешней действительности, объектов в мире “вещей”. Этот тезис становится центральным для теории социального конструкционизма. Он утверждает, что посредством коммуникации формируются социально-психологические миры» [4, с. 81], задающие объективные контексты реальности.

Примечательно, что существование в них сопровождается встраиванием индивидов в господствующие в этих символических пространствах системы языка. Это хорошо видно на примере детей, быстро адаптирующихся к режимам речи, которую они слышат, и усваивающих тем самым категории, в них преобладающие. В этом смысле образ мира, возникающий в сознании ребёнка (а также соответствующие стратегии взаимодействия с ним), всецело обуславливаются тем, какие категории преобладают в языковом ландшафте его социализации.

С этой точки зрения борьба за язык – борьба глубоко политическая. В сущности, именно к ней сводится борьба политических партий (и вообще любых дискурсов), состоящих за право описывать мир в своих категориях: победившая сторона получает монополию на формирование и закрепление образа мира, а также на установление в нём соответствующих этому образу основных сценариев повседневных практик для всех членов общества. Это обстоятельство проливает свет на природу такого обсуждаемого феномена социальной реальности, как информационная война, которая ведётся не столько ради электоральной, сколько ради дискурсивной победы той или иной силы.

Как таковой дискурс представляет собой концептуальное поле. Там, где внутри этого поля возникает иерархия, складывается система власти. Так, для того чтобы рабовладельческий строй был легитимным, требовалась категория субстанции, предполагающая, что раб – это не социальная роль, а врождённое качество, отражающее природу данного индивида. «Тот, кто по природе принадлежит не самому себе, а другому и при этом всё-таки человек, тот по своей природе раб. <...> Природа желает, чтобы и физическая организация свободных людей отличалась от физической организации рабов: у последних тело мощное, пригодное для выполнения необходимых физических трудов; свободные же люди держатся прямо и не способны к выполнению такого рода работ, зато они пригодны для политической жизни. <...> Мы установили, что раб полезен для повседневных потребностей» [1, с. 12, 18], – пишет Аристотель в «Политике».

Такой взгляд на субстанцию просуществовал вплоть до современности. Именно за него в XIX веке осудил классическую философию Ш. Фурье в своём ретроспективном анализе её роли в становлении общества, указав

на её близорукость в отношении столь серьёзных социальных проблем, как рабство, а также на её склонность находить стройные обоснования очевидной жестокости [9, с. 135]. По-видимому, именно это имел в виду и К. Маркс в своём знаменитом 11-м тезисе о Фейербахе [5]. Между тем столь искусное приспособление к господствующим системам власти внутри преобладающих дискурсов на самом деле не только не делает чести философии, но и, учитывая её «гуманистический» имидж, ложится тёмным пятном на её историческую репутацию, особенно принимая во внимание тот поистине богатый потенциал для свободы как принципиально человеческого режима бытия, которым она всегда располагала.

Что же следует подразумевать под указанными системами власти? Как было показано выше, речь идёт отнюдь не собственно о субъектах политического управления (таких, как, например, правитель или правительство). Подробно исследованием дискурсивных форм власти занимался М. Фуко, проследивший её генезис в истории: от сакральной власти суверена до дисциплинарной власти, а затем до биовласти [8]. С этой точки зрения представители власти выступают не столько в роли её субъектов, сколько в роли её агентов. Именно поэтому важнейшим условием конструктивности сегодняшней критики власти следует считать её направленность не на конкретных властных лиц, а на системы власти, которые с их помощью воспроизводятся.

Какую же роль для системы власти играет язык? Р. Барт утверждает, что такая деструктивная форма мифологии, как идеология, «крадёт» язык, чтобы очистить его от всего «лишнего» и всецело поставить себе на службу: «Миф – это похищенное и возвращённое слово. Просто возвращается слово уже не таким, каким было похищено; при возвращении его поставили не совсем на своё место» [2, с. 285]. Выразительным примером такого похищенного языка служит контркультура, систематически «перевариваемая» рыночной экономикой, против которой она изначально была направлена – до полной утраты слышимости её искомого голоса.

Другим важным механизмом власти является техника, которую мы предлагаем называть «номинативными практиками власти». Власть в этих практиках выражается в наименовании кого-либо и закреплении за ним соответствующей этому имени идентичности. Так, помещики именовали и переименовывали по своему усмотрению крестьян [7], рабовладельцы – своих рабов [6, с. 36], а начальники дисциплинарных инстанций – своих подчинённых. Эта процедура наименования носит, с одной стороны, деонтологизирующий, а с другой, наоборот, демиургический характер: некто отрицается в своей предшествующей властвованию над ним самости и пересоздаётся заново в сакрально-отеческом жесте творения.

Наконец, третий механизм власти запускается через простое задействование категорий, имманентных иерархиям, присущих господствующим дискурсам. Так, например, тюремный язык формируется вокруг определённого категориального аппарата, предполагающего устойчивый образ мира и схемы распределения в нём власти. Именно поэтому в нём не существует категорий, свободных от неё, а каждый прецедент его применения запускает её механизмы и окрашивает коммуникацию в присущие ей тона – даже если сам акт коммуникации протекает далеко за пределами тюрьмы (пожалуй, именно это обстоятельство служит причиной беспокойства по поводу роста популярности в современной России тюремной эстетики и риторики). Поскольку вовлечение в язык происходит естественным образом, а категориальный аппарат усваивается агентами языка как нечто непроблематичное, запуск данного механизма власти часто производится инструментом, подробно исследуемым в рамках интерсекциональной теории власти, – институцией «привилегии».

Социальный антрополог Алан Джонсон определяет привилегию как нечто, автоматически получаемое членом общества на основании его рождения в той или иной точке на карте власти. До тех пор, пока пространство социального бытия дискурсивно картографировано властью, привилегии представляют собой неизбежный эффект этой картографии, предполагая, что то, что будет всегда доступно одним, никогда не будет доступно другим (но не по причине их личных качеств, а на основании их принадлежности к той или иной социальной группе). Таким образом, привилегия – это молчаливое согласие на участие в одной из систем власти [10, p. 9-10].

Зачастую такое согласие является не активной, а пассивной позицией индивида, никак не рефлексировавшего своих привилегий по причине их непроблематичности для него. Случаям такого рода А. Джонсон посвящает в своей монографии «Привилегии, власть и различие» целый параграф под названием «Не имел в виду, значит, не считается?». В нём он показывает, насколько распространённым случаем запуска механизмов власти является эта формула имплицитного отказа рефлексии о ней, в особенности с точки зрения её присутствия в структурированном иерархическими отношениями языке. «Большинство людей полагают, что если они не имели в виду ничего плохого, то не произошло ничего страшного – как если бы их намерение действительно было единственным, что связывает их с последствиями собственных действий» [Ibidem, p. 114], – пишет А. Джонсон. «Однако, во-первых, наши действия имеют последствия вне зависимости от того, имели мы их в виду, или нет. Наше незнание не освобождает нас от ответственности за возможные последствия. Даже если мы не отдаём себе отчёт в том, что только что запустили механизм власти, он всё равно запущен, и последствия неизбежны» [Ibidem, p. 118].

Между тем пассивное согласие (ничуть не менее, чем активное) выступает главным условием поддержания функционирования привилегий, запускающих тот или иной механизм системной (дискурсивно укоренённой и воспроизводящейся) власти. В этом смысле отказ от выбора своей позиции по поводу той или иной системной формы власти всё равно оказывается её выбором. Именно поэтому А. Джонсон настаивает на необходимости рефлексии повседневного языка: позволять называть вещи своими именами (то есть отдавать себе отчёт в существующих формах власти и предполагаемых ими системах привилегий), она, по крайней мере, делает возможным выбор не в их пользу и потому представляет собой главное условие потенциального преодоления имплицитных форм власти, обеспечивающих воспроизводство глобальных систем власти –

таких, как расизм, сексизм, эйблизм и так далее. «Поскольку система работает только тогда, когда люди её воспроизводят, она каждый миг остаётся динамичным процессом создания и воссоздания» [Ibidem, p. 129].

Рассмотренные выше техники (похищение языка мифом/идеологией, номинативные практики власти, воспроизводство властных режимов речи с присущими им категориями, а также запускающие их привилегии) представляют собой ключевые траектории воспроизводства дискурсивной власти. Однако социальная ткань динамична, и ни одна система не существует в ней вечно. Это справедливо и для «вшитых» в язык систем власти. По этой причине их демонтаж может производиться по следующим сценариям. Во-первых, через распознавание в языке паттернов власти и способность их отличать друг от друга, называя каждый из них своими именами. Во-вторых, через отказ от воспроизводства языка установленных паттернов власти: открыто меняя свой способ участия в работе системы власти, мы в конечном счёте меняем и способ её функционирования [Ibidem, p. 143]. В-третьих, через «расколдовывание» идеологического языка (например, посредством исторической рефлексии, а также иронии, сатиры, деконструкции) и возвращение его фигурам их первоначальных содержаний (в том числе путём реабилитации «украденного» и искажённого).

Подведём итоги. Язык (как объективная система категорий) играет ключевую роль в становлении дискурсивных иерархий, формирующих в обществе многообразные отношения власти, усваиваемые индивидом в процессе его встраивания в категориальные системы языка во время социализации. Механизмы власти запускаются в пространстве языка несколькими способами: через употребление иерархически заряженных категорий, способствующих воспроизводству искомой для них системы власти, что обеспечивает поддержание определённого образа мира и места в нём его обитателей; через присвоение и искажение языка идеологией; посредством «номинативных практик власти». Важным условием возможности срабатывания одного или нескольких механизмов, запускающих процесс власти, служит феномен привилегии, обусловленный дискурсивным картографированием социального пространства отношениями власти и создающий условия как для активного, так и для пассивного поддержания системной власти. Вопрос об участии в воспроизводстве системы власти является принципиально значимым, поскольку в конечном счёте сводится к фундаментальному вопросу о возможности свободы в структуре социума, а также к вопросу о возможности личности за пределами интерпелляции. Так, если социальный детерминизм предполагает автоматическое участие в воспроизводстве системы власти, отказ воспроизводить её и формирование альтернативного ей сценария означают выход за пределы механики власти – в пространство, где становится возможным индивидуальный человеческий проект во всём его потенциальном своеобразии.

#### *Список источников*

1. **Аристотель.** Политика. СПб.: Издательская группа «Азбука-Аттикус», 2015. 352 с.
2. **Барт Р.** Мифологии. М.: Академический проект, 2008. 351 с.
3. **Бергер П., Лукман Т.** Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. 323 с.
4. **Макаров М.** Основы теории дискурса. М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. 252 с.
5. **Маркс К.** Тезисы о Фейербахе [Электронный ресурс]. URL: <http://spinoza.in/theory/tezisy-o-fejerbahe-s-kommentariem-e-v-il-enkova.html> (дата обращения: 12.09.2017).
6. **Нортан С.** 12 лет рабства. Эксмо, 2014. 368 с.
7. **Пушкин А. С.** Евгений Онегин [Электронный ресурс]. URL: <http://www.poetry-classic.ru/2-33.html> (дата обращения: 12.11.2016).
8. **Фуко М.** «Надзирать и наказывать»: рождение тюрьмы. М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. 416 с.
9. **Фурье Ш.** Теория четырёх движений и всеобщих судеб. Проспект и анонс открытия. М.: Издание Книжного магазина «Циолковский», 2017. 396 с.
10. **Johnson A. G.** Privilege, Power and Difference. USA: McGraw-Hill, 2006. 184 p.

#### LANGUAGE OF POWER IN SOCIAL EVERYDAY LIFE: CORE STRATEGIES

**Rakhmaninova Mariya Dmitrievna**, Ph. D. in Philosophy  
*Saint-Petersburg Mining University*  
*Nordseeinsel@yandex.ru*

The article is devoted to the consideration of language role in the processes of systemic power mechanisms functioning in the socio-political space. The research focus of attention is directed to the schemes triggering these mechanisms in everyday life, in the conditions of consistent connection between the categories of a language, systems and apparatuses into which they are integrated, and discourses that include these systems. The classification of the conditions most favorable for setting off the systemic power mechanisms, as well as scenarios that allow them to be avoided is made. Moreover, the author proposes the substantiation of constructiveness of refusal to reproduce discursive systems of power.

*Key words and phrases:* power; language; discourse; hierarchy; privilege; system.